

Лу Цяо прокутил пол-ночи, но на следующее утро, еще до рассвета, уже был на ногах.

Мо Ханьчжоу ощутил странную, тонкую уязвленность мужского самолюбия.

Многие из их компании договорились пойти в горы встречать рассвет, и Лу Цяо был в их числе. Проснувшись, он выглядел бодрым, а в его черных глазах, казалось, сияли две яркие лампочки — никто во всей комнате не мог сравниться с ним по яркости.

Одевшись и обувшись, он наклонился и поцеловал Мо Ханьчжоу в щеку.

— Господин, если увижу рассвет, я свяжусь с вами по видеосвязи.

— Хорошо.

Лу Цяо отправился в путь.

Хотя горная усадьба и так находилась в горах, чтобы найти идеальное место для наблюдения за восходом, они решили подняться еще выше. В группе было больше десяти человек, и среди них Лу Цяо заметил Чжэн Итун.

Их взгляды встретились на мгновение и тут же разошлись.

Подъем прошел легко. Когда они достигли вершины, белая полоса как раз прорезала густую тьму.

Словно кто-то силой разорвал плотную пелену, свет начал сгущаться, пробуждая сочную зелень джунглей от ночного сна. И вдруг из-за облаков выпрыгнул огромный золотой диск, и в одно мгновение мир залило бескрайнее сияние.

Это мгновение люди будут искать и спустя многие годы.

Толпа восторженно зашумела. Чжэн Итун обернулась и увидела, что Лу Цяо держит селфи-палку и оживленно говорит с маленьким окошком на экране:

— Господин, вы видите? Рассвет такой красивый!

— Вижу, очень красиво.

— Мы поднимались почти полчаса. Скоро буду спускаться, господин, не скучайте там в одиночестве.

Мужчина на том конце провода тихо рассмеялся:

— Хорошо, А Цяо, спускайся скорее, мне одному так одиноко.

— Ох уж вы, право слово, ничего с вами не поделаешь.

Лу Цяо завершил звонок. После того как все полюбовались рассветом и немного отдохнули, пришло время спускаться.

Подъем был утомительным, но и спуск оказался непрост. Дорога вниз требовала еще большей осторожности, люди двигались медленно, как вдруг:

— А! Змея!

Слово змея вызвало всеобщую панику, а чей-то крик добавил ужаса:

— Человек ранен! Кого-то укусила змея!

Люди в смятении смотрели под ноги, кто-то бросился помогать пострадавшей.

Это была светловолосая женщина. Она зажала место выше укуса, в ее глазах читался страх:

— Я отравлена? Я отравлена? Я что, умираю?

Кто-то пытался ее утешить, но безуспешно. В суматохе чьи-то руки раздвинули толпу.

— Посторонитесь, дайте мне взглянуть.

Лу Цяо присел на корточки и сказал женщине:

— Я видел змею, которая вас укусила. Это полоз, его яд очень слабый, почти безвредный. Пожалуйста, не волнуйтесь, хорошо?

То, что он точно назвал вид змеи, действительно успокоило женщину. Лу Цяо попросил у окружающих бинт и воду, перетянул ногу примерно в пяти сантиметрах выше раны и промыл ее чистой водой.

— Не переживайте, медики скоро будут.

— Угу. — Женщина постепенно успокоилась, и под действием самовнушения боль, казалось, стала не такой острой.

В автомобилях отеля, которые их привезли, были медики. Получив звонок, они быстро поднялись наверх, и вскоре после того, как они подтвердили правильность действий Лу Цяо, принесли антидот.

Люди наконец выдохнули.

Тот самый мужчина, который ранее приглашал Лу Цяо в Париж, по-приятельски обнял его за плечи и показал большой палец.

Чжэн Итун не спеша шла позади них. Через десять с лишним минут они спустились с горы и вернулись в машины отеля.

Об этом происшествии все быстро забыли. Это был последний день трехдневных каникул, и Лу Цяо дорожил каждой минутой: он вместе с Мо Ханьчжоу купался в горячих источниках, играл в игры, пробовал деликатесы и сделал множество ценных фотографий и видео.

Во время последнего ужина Лу Цяо позволил себе выпить лишнего.

В середине трапезы Мо Ханьчжоу вышел на звонок, и его окликнули.

В нескольких шагах стояла Чжэн Итун, рядом с ней сотрудник отеля держал ее багаж — она собралась уезжать.

— Мой самолет готов, пора возвращаться. Передай, пожалуйста, извинения Лу Цяо, этот отдых оставил у него неприятные воспоминания.

— Почему бы тебе не извиниться самой?

— Думаю, он не хочет меня видеть.

И это была правда.

— В любом случае, у меня было предвзятое мнение о нем, я вела себя не лучшим образом. Вряд ли мы еще увидимся. До свидания, встретимся уже на родине.

Мо Ханьчжоу мягко ответил:

— До свидания.

Вернувшись в ресторан, он увидел, что Лу Цяо в отличном настроении, и тот сразу потянулся к нему с объятиями. Мо Ханьчжоу не хотел портить ему настроение в последний вечер и не стал ничего рассказывать.

Лишь вечером, когда они сели в самолет и оказались на высоте десяти тысяч метров, Мо Ханьчжоу сказал:

— Чжэн Итун просила извиниться перед тобой за то, что расстроила тебя.

Лу Цяо удивился:

— А...

На самом деле, ничего неприятного не было, он давно перестал принимать это близко к сердцу.

— Кстати, она сказала, что отправила ту гнедую лошадь обратно в страну, как прибудет — тебе сообщат.

Лу Цяо просиял:

— Я простил ее!

Мо Ханьчжоу с улыбкой погладил его по лицу:

— Спи, когда проснешься, мы уже будем дома.

— Угу.

Отпуск — вещь удивительная. С точки зрения времени прошло всего три дня, но по чувствам они стали намного ближе.

Особенно когда дворецкий, суетясь с багажом, приговаривал, как же устали молодой господин и госпожа, это создавало ощущение, будто они остались вдвоем в личном пространстве, и эта близость стала еще острее.

Впрочем, Лу Цяо недолго предавался воспоминаниям: Мо Ханьчжоу стремительно погрузился в работу перед концом года, и Лу Цяо не стал исключением.

Его галерея подвела годовые итоги — в этом году была получена прибыль!

Как так?!

Финансовый директор пояснил:

— Благодаря тому, что госпожа Пэй купила две картины, а в декабре поток посетителей резко возрос, объем продаж впервые превысил десять миллионов, а прибыль составила миллион.

Остальные восторженно зашумели:

— Это точно заслуга мастера Чжу Гэюня, все приходили только ради того, чтобы увидеть картины мастера!

Лу Цяо промолчал.

Нет, они приходили ради сплетен.

Настроение у Лу Цяо было сложным. Он-то знал, что так называемые клиенты приходили поглазеть на Юэ Илия, а уже в хорошем расположении духа тратили сотни тысяч на картины.

Как бы то ни было, Юэ Илия, спасибо тебе.

Лу Цяо, как щедрый владелец, выписал сотрудникам премии, и все остались счастливы.

Тем временем дома готовились к новогодним подаркам. У семьи Мо огромное состояние, и даже если они не общались близко, список обязательных визитов и подарков был бесконечным. От этого длинного перечня у Лу Цяо зарябило в глазах.

— Неужели нужно дарить столько подарков?

Дядя Чжуан улыбнулся:

— Это все давние связи, со многими семьями дружба тянется еще со времен прадеда господина Мо.

— Тогда нужно все сделать как следует.

Лу Цяо был новичком и не мог давать советы, но спросил:

— Дядя Чжуан, я изучал каллиграфию. Можно я сам подпишу поздравительные открытки?

— Конечно! Если открытки подпишет госпожа, это будет куда искреннее!

Если не было особых пожеланий, тексты поздравлений выбирались из стандартного набора. Но если в семье было пополнение или свадьба, дядя Чжуан делал пометки. Он всегда все держал под контролем.

Лу Цяо весь день писал открытки по шаблонам дяди Чжуана. Когда Мо Ханьчжоу вернулся с работы и увидел Лу Цяо, склонившегося над столом, он с любопытством подошел ближе и, разглядев текст, невольно изумился.

— А Цяо, что ты делаешь?

— Господин, вы вернулись?

Лу Цяо не успел ответить, как дядя Чжуан радостно показал Мо Ханьчжоу высохшие открытки:

— Госпожа сегодня весь день подписывала поздравления!

Мо Ханьчжоу с удивлением взял открытку.

Иероглифы были тонкими, но сильными, размашистыми, словно взлетающие драконы, с насыщенными и крепкими штрихами — настоящее загляденье. Это было не просто поздравление, а произведение искусства, достойное выставки. Мо Ханьчжоу посмотрел на своего супруга с восхищением и новизной.

— А Цяо, ты владеешь каллиграфией.

— Немного.

— Это твое немного — просто мастерство.

Еще недавно Мо Ханьчжоу думал, что взял в жены милого и послушного мальчишку, который ничего не умеет, а оказалось, что он не только мастерски ездит верхом и стреляет, но и владеет кистью. Возможно, в нем скрыто еще немало талантов, которые ему предстоит открыть.

Это чувство первооткрывателя заставило уголки губ Мо Ханьчжоу приподняться. Он внимательно вгляделся в почерк и вдруг заметил:

— А Цяо, у тебя разный стиль письма?

На открытках было два почерка: один — тот, что он только что видел, а другой — более плавный, где каждый иероглиф напоминал распускающийся цветок, исполненный живой красоты.

— Да, если нужно поздравить с рождением ребенка, я использую более изящный стиль, он кажется мне милее. А для пожилых людей — мой обычный почерк. В нем я уверен.

— А Цяо, это не просто уверенность. С таким почерком можно выиграть не один конкурс. Ты действительно... заставляешь посмотреть на себя другими глазами.

Лу Цяо застенчиво почесал затылок:

— Да ладно вам.

Мо Ханьчжоу смотрел на своего простодушного супруга с теплотой, а затем, взглянув на открытки, закатал рукава:

— На самом деле, я тоже немного учился каллиграфии. Давай покажу.

— Хорошо.

Молодые супруги нашли новое развлечение, соревнуясь в мастерстве. Дядя Чжуан, видя их идиллию, тихо вывел прислугу и прикрыл дверь.

Почерк Мо Ханьчжоу отражал его характер, но из-за постоянной занятости он практиковался редко. Штрихам не хватало твердости, и вскоре проявилась некоторая неловкость. В каллиграфии Лу Цяо был на голову выше.

Как говорится, не так страшно писать плохо, как оказаться в сравнении. Мо Ханьчжоу, глядя на свою работу рядом с письмом Лу Цяо, почувствовал укол азарта:

— А Цяо, как ты это написал? Научи меня.

— Конечно.

Лу Цяо встал за спиной Мо Ханьчжоу и, обхватив его руку, начал показывать технику.

Мо Ханьчжоу когда-то мечтал о том, как они будут вместе писать стихи и любоваться картинами при свечах, укрепляя чувства. Он только не ожидал, что учителем будет Лу Цяо, а учеником — он сам.

Ну что ж... тоже неплохо.

Мо Ханьчжоу давно не брался за кисть, но вошел во вкус и после ужина долго практиковался с Лу Цяо. В конце концов он признал поражение:

— А Цяо, напиши мне что-нибудь крупным шрифтом, я завтра повешу это в офисе.

— С удовольствием!

Лу Цяо, уверенный в себе, взял кисть и на рисовой бумаге размашисто вывел: Высокий дух подобен луне, изящество веет весенним ветром. Выглядело это невероятно легко и красиво.

На следующий день Мо Ханьчжоу принес в офис работу, оформленную дядей Чжуаном, и попросил Фан Чжунбая найти кого-нибудь, чтобы повесить ее.

Фан Чжунбай наметанным глазом заметил печать Лу Цяо и поднял голову:

— Это госпожа...

— Да, это его работа.

Фан Чжунбай поразился:

— Госпожа поистине талантлив.

Мо Ханьчжоу улыбнулся:

— Он всегда умеет удивить меня тем, чего я не ожидал.

Пока Мо Ханьчжоу был на совещании, Фан Чжунбай распорядился повесить картину. Работа Лу Цяо, как по содержанию, так и по стилю, была исполнена такой силы и свободы, что мгновенно вписалась в атмосферу кабинета, будто всегда там и была.

Сначала Мо Ханьчжоу поглядывал на нее, но позже, погрузившись в дела, забыл об этом.

Во второй половине дня в офис пришел старый друг семьи Мо, с которым их связывали десятилетия отношений.

Мо Ханьчжоу лично принял его в своем кабинете, заварил лучший Дахунпао, и они завели неспешную беседу.

В перерыве между разливанием чая старик поднял взгляд и вдруг замер, глядя на картину на стене.

— Эти иероглифы... — Его глаза загорелись. — В них столько жизненной силы!

Мо Ханьчжоу улыбнулся и скромно ответил:

— Это работа моего супруга, не судите строго, рад, что вам нравится.

— Что? Это работа твоей жены, Ханьчжоу?!

Старец Ци был поражен, но тут же вспомнил:

— Ах, да, ты же женился, и супруг у тебя — мужчина...

Для старшего поколения брак между мужчинами был все еще непривычен. Но... раз уж поженились, что поделаешь?

— Помнится, твой супруг совсем молод? Ты меня не разыгрываешь? Такой почерк не зарабатывается за десяток лет.

Старца Ци больше интересовала каллиграфия, чем гендерные вопросы.

— Это действительно работа моего супруга, я сам узнал об этом только вчера.

Мо Ханьчжоу рассказал старику, что произошло прошлым вечером.

Старец Ци хлопнул себя по колену:

— Ай, вот это мастерство! Наверное, он еще совсем юн и сам не понимает, насколько хорош.

— А как насчет другого его стиля?

— Другой стиль более стандартный, не такой самобытный, как этот на стене. Наверное, он просто баловался. Если бы не случай, я бы и не знал, что он умеет писать.

— Ребенок с сильным характером и терпением — только такой может овладеть двумя стилями. Судя по твоим словам, у него просто не было возможности показать себя раньше.

— Слушай, ты ведь после свадьбы еще не выводил его в свет? Приводи его ко мне на ужин, пообщаюсь с ним о каллиграфии.

— Это...

— Что ты мне тут мнешься? Молодежь должна больше общаться, я же не съем его. Приводи, заодно моя старуха по тебе соскучилась.

— Хорошо, я спрошу его.

Вернувшись домой, Мо Ханьчжоу передал приглашение.

Лу Цяо повернулся к нему:

— Тот старый господин, он правда любит мои работы?

— Да, Старец Ци — фанат каллиграфии, сам много практикуется и считается авторитетом в кругах Пинчэна.

— Ну... раз это важный гость, я пойду.

Мо Ханьчжоу погладил его по голове:

— Не нервничай, просто познакомься с новым другом.

Старец Ци принадлежал к местной элите, но, поскольку жили они с женой вдвоем, огромный особняк показался им неуютным, и они переехали в небольшую виллу в центре города. Кроме них двоих, в доме было всего две помощницы.

Все пожилые люди любят гостей, особенно молодых. Не говоря уже о Мо Ханьчжоу, Лу Цяо годился им во внуки.

Когда они приехали, Старец Ци с супругой встретили их у порога. Они выглядели очень добродушными. Старец Ци, увидев Лу Цяо, просиял и сразу потянул его на второй этаж.

— Ты, должно быть, Сяо Лу? Пойдем, пойдем, я приготовил тебе кабинет с бумагой и тушью, покажешь свое мастерство!

Лу Цяо покорно следовал за ним, а супруга Старца Ци ворчала:

— Старый чудака, что ты творишь! Ребенок даже чаю не выпил!

Мо Ханьчжоу попытался утешить ее:

— Ничего страшного, думаю, наверху тоже найдется чай.

Старец Ци был страстным ценителем, стены его кабинета были увешаны работами известных мастеров и подарками друзей.

Он указал на них:

— Посмотри, это все моя коллекция, которую я собирал годами. Но должен сказать, твоя работа ничем не уступает. Хотя мне нужно увидеть это вживую.

Лу Цяо улыбнулся:

— Хорошо, золото не боится огня, давайте!

— Молодец, давай!

<http://bllate.org/book/19167/1882015>